

Ю. Ф. БУРЯКОВ
В. И. НАБОКОВ

У СТЕН
ДРЕВНЕГО
ХАРАДЖКЕТА

Фигурный водолей с завершением в виде головки оленя

ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Ю. Ф. БУРЯКОВ
В. И. НАБОКОВ

**У СТЕН
ДРЕВНЕГО
ХАРАДЖКЕТА**

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
1989

63.3(2У)

Б 91

Одобрено Ученым советом Института археологии Академии наук
Узбекской ССР.

Рецензенты: кандидат исторических наук **Э. И. Усманова**,
кандидат исторических наук **Л. И. Альбаум**.

Редактор *И. Богодарова*

Буряков Ю. Ф., Набоков В. И.

Б 91 У стен древнего Хараджкета. —Т.: Узбекистан.

1989. —64 с.: ил.

ISBN 5-640-00547-5

И. Соавт.

Авторы брошюры приглашают читателя в необычное и увлекательное путешествие по одному из самых крупных древних городов Ташкентского оазиса: по его улицам и ремесленным кварталам, знакомят с материальной и духовной культурой его жителей. Отступив от традиционного описательства, они открывают читателю и некоторые «секреты» методики археологических раскопок.

Книга рассчитана на учителей истории, учащихся старших классов, краеведов, широкий круг читателей.

ББК 63.3(2У)

№ 576—89
Гос. б-ка УзССР
им. А. Навои.

Б $\frac{0503020904}{M 351 (04) 89}$ ⁸⁹

Издано по заказу Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана, 1989 г.

У ИСТОКОВ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

Проникнув за стены, увидишь ты град,
Где взоры чарует то замок, то сад.
Раскошные бани, журчанье вод,
Украшены улицы, весел народ.

Фирдоуси

История рождения города уходит в глубокую древность. Когда-то давным-давно, появившись на определенном этапе социально-экономического развития человеческого общества, города сами стали активными творцами и проводниками этого прогресса.

Как развивались города? Сегодня эти вопросы живо интересуют экономистов, социологов, архитекторов. Ведь общеизвестно, что уровень городской жизни — яркий показатель общего экономического и культурного состояния страны или региона.

Но где же истоки этой культуры? Каковы закономерности ее становления и развития? В каких источниках искать ответы на эти вопросы? Найденные письменные сведения о древних городах скудны и необъективны, а по некоторым регионам их нет вообще. Да и большинство тех источников, которые время сохранило на архивных полках, представляют собой простой перечень городов с кратким описанием столиц и линий основных караванных путей. Гораздо больше информации таит в себе наш бесценный архив — земля. В толщах своих сохранила она руины разновременных городов и поселений, раскопки и тщательное исследование которых открывают перед нами широкие возможности изучения и истории сложения города — его планировочной структуры, фортификации, становления и развития, как социально-экономического, политического и административ-

ного организма на разных этапах жизни человеческого общества. Исследование древних городов открывает пути и для широких демографических обобщений.

Не случайно многие исследователи отмечают неразрывную связь средневековой археологии Средней Азии с изучением городов. Не случайно и то, что в этих работах мы в первую очередь обращаемся к Ташкентскому оазису — Чачу. Ведь даже среди древних государств с развитой городской культурой Чач выделяется обилием городских центров. Разные авторы древности насчитывали здесь до 50 городов и, не скрывая удивления, писали, что ни в Мавераннахре, ни в Хорасане нет такого обилия благоустроенных городов и цветущих селений. А в науке появился даже термин «урбанистический феномен Чача». В самом деле, взрыв урбанизма в этом регионе поразителен, но объяснить его причины опять-таки невозможно без археологических исследований.

С глубокой древности Чач стоял на границе двух миров — оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого с их сложными отношениями — то мирными, торговыми, то враждебно-воинственными. Чач был и одним из первых районов формирования тюркских объединений на территории Узбекистана, оседания кочевников и их активного участия в жизни среднеазиатских владений. Именно от этого времени сохранила для нас земля интереснейшие памятники: города и поселения, остатки каналов и гигантские скопления курганов, раскрывающие большую роль Чача в формировании этнического типа, языка и культуры узбекского народа.

Уже на начальном этапе формирования тюркского государства в первой половине VI столетия нашей эры, Чач стал яблоком раздора между тюрками и господствовавшими в Средней Азии гуннскими племенами эфталитов. Борьба за Чач была упорной. Накал ее запечатлен в исторических и поэтических описаниях той эпохи. «От кипения всадников в Чаче вода Гульзариума (Сыр-

дары) стала цвета розы», — такова образная характеристика поэта Фирдоуси. «В Чаче, Параке, Самарканде и Согде многое было разорено и стало местопребыванием сов...» — сухо сообщает историк, современник событий.

С бассейном Сырдарьи связывается самый затяжной период тюркско-арабской войны VIII-го столетия нашей эры, отнявшей у завоевателей значительные силы. Здесь происходили сражения с арабами чачских воинов и тюркского кагана, получившего у арабов прозвище «отец бодающихся». А о ташкентском оазисе в то время у них сложилась поговорка: «Проходя через Чач, выше поднимай полы одежды, так как это страна дьяволов, от которых бегут правители».

Период этот для чачского оазиса, как видим, был очень бурным, наполненным драматическими событиями, войнами. Историки сообщают о неоднократном разрушении городов и поселений. Но действительно ли это был период запустений и упадков? Ответ на этот вопрос может дать лишь самый объективный источник — сами города и поселения.

Уже сейчас мы можем утверждать, что средневековый период для Чача — это время могучего развития и расцвета урбанизированной культуры государства. Количество городов в это время по сравнению с предшествующим периодом удваивается. Мы насчитали около 50 городов и сотни укрепленных замков и поселений, которые существовали в оазисе в VIII—XIII веках. Несомненно, их было значительно больше. Вероятно, правы были путешественники седьмого столетия, называвшие Чач страной тысячи замков.

Итак, нужны тщательные исследования — раскопки городов. И сколько придется вызволить из векового плена земли крепостных сооружений и жилых кварталов, дворцов и мастерских ремесленников, караван-сараяв и культовых зданий для того, чтобы открыть истоки городской культуры Ташкентского оазиса и

Узкая извилистая улочка скользнула между холмами домов.

постигнуть объективную истину ее влияния на развитие человеческого общества! Мы убедились, что много городов в древнем Чаче. Какой из них наиболее интересен? Археологов можно встретить сейчас и в центре современного Ташкента, и на его окраинах, в далеких горных районах, в таинственных лабиринтах крепостей на границе с кочевой степью.

Мы приглашаем читателя в путешествие по одному из самых крупных древних городов оазиса. Его гигантские руины и уже раскопанные, и еще таящиеся в недрах могучих холмов, щедро открывают исследователям свои тайны.

В северном углу города высится могучее укрепление арк или цитадель Канки.

руглыми возвышениями башен — охватывают холмистую площадь в добрых полтора гектаров. Внутри мы видим три городские территории (в средневековых восточных источниках они называются шахристанами) в виде неправильных, вписанных друг в друга прямоугольников, окруженных самостоятельными валами и узкими лентами глубоких оврагов, где как острова поднимаются причудливые нагромождения холмов, прерывающиеся просторными полянами. В северном углу города — гигантский сорокаметровый холм, опоясанный широким оврагом.

Во всем этом рельефе чувствуется закономерность: и в стройных цепочках холмов, разделенных нитями дорог и тропинок, и в ритмичном чередовании площадей, кратеров каких-то углублений. Под нами — безжизненный, иссушенный солнцем и временем и все-таки величественный древний город! Что же откроет он нам за своими валами-стенами? Войдем в него через хорошо сохранившиеся южные ворота.

Атмосфера мертвого города особенно остро ощущается в горячие летние месяцы, когда солнце безраздельно царствует среди бесчисленных холмов и оврагов, выжигая, кажется, даже землю раскаленными лучами. Унылость пейзажа лишь изредка оживляет одинокий вихрь пыли, поднятый жарким порывом ветра. Зато ранней весной тянущаяся к свету и жадно впитывающая в себя влагу молодая трава причудливо обегает отдельные части холмов, замысловатыми стежками связывает узкие расщелины их склонов, мягким ковром выстилает изогнувшиеся между холмами седловины. И словно оживают городские руины, таящие в своих недрах миллионы загадок. Под холмами проявляются следы домов, в массивах прослеживается сложная планировка густой городской застройки. Длинные цепочки проходов превращаются в стройные, строгие улицы, а «кратеры» — в хаузы-водоемы или базарные площади.

Археологами уже давно подмечена и взята на вооружение закономерность растительного покрова рельефа. Трава обегает сухие и твердые стены древних строений, скрытых под землей, густо заполняет покрытые рыхлыми оплывами стены домов и дворики, словно очерчивает на поверхности земли контуры строений, возведенных древними зодчими.

Вот целая гряда холмов превратилась вдруг в квартал жилых домов, узкая извилистая улочка скользнула между ними и... будто споткнулась о край полуовальной стены, отгородившей отдельный дом-усадьбу. Кажется, вот-вот вновь, как многие сотни лет назад, наполнятся водой глубокие водоемы-хаузы, оживут, наполнятся разноголосьем базарные площади.

Дорога ведет дальше — в глубь города — и упирается в новый ряд стен, еще более высоких, чем внешние. Почти правильным квадратом окружают они площадь около пятидесяти гектар. На своих гребнях стены несут цепь округлых всхолмлений. Вот они — крепост-

ные стены с могучими некогда сторожевыми башнями, прерываемыми лишь крестами ворот. Третья, еще более могучая линия крепостных стен встает перед нами внутри города. Она и сейчас поражает своей исполинской высотой, кажется неприступной. К тому же снаружи, защищая подступы к территории этого внутреннего города площадью чуть более пяти гектар, протянулся глубокий ров шириной до сорока метров. Лишь в одном месте он резко сужается, и мы замечаем площадку, выдающуюся из стены примерно на одну треть ширины рва. Не приспособление ли это для перекидного моста? И действительно, со стороны внутреннего города на выступе четко прослеживается спиралевидный спуск-пандус. Прерывается и сама стена, образуя четырехугольник входа. Сама форма руин подсказывает нам, что некогда этот вход был защищен двойным рядом башен.

Преодолев оборонительный ров внутреннего города, мы попадаем в его самую укрепленную часть, спрятанную за тремя линиями крепостных стен. Но что это? В северном углу города, отделенное от внутреннего города еще одним гигантским рвом, высится могучее и на этот раз последнее укрепление — арк или цитадель Канки. На протяжении многих веков неоднократно осаждавшаяся врагами, ольвиная и полуразрушенная цитадель и сегодня кажется неприступной. Ее стены круто сбегают в ров, а вдоль них, делая почти полный виток, поднимаются узкие спирали входов. С глубоким знанием военного дела были сооружены они. Входивший в цитадель делал по спирали почти целый круг, обращаясь к ее бойницам незащищенной стороной тела, и если это был неприятель, он помимо своей воли подставлял себя обстрелу.

Внутри цитадели высится монолитный массив древнего замка. С его вершины, как с высоты птичьего полета, можно рассмотреть весь город, его сложную систему крепостных стен и башен, улицы, жилые кварталы.

Много столетий минуло с той поры, когда город был оставлен жителями. Оплыли мощные башни цитадели и городских бастионов, заброшены дома и храмы, даже само название города стерлось в памяти людей. Не потому ли могучие руины, свидетельствующие о глубокой древности города и его былом могуществе, рождают легенды, сливающиеся с поэтическими сказаниями? Некоторые связывают название городища — Канка — с древним государством Кангха, известным по древнейшим восточным религиозным гимнам зороастрийцев Авесте и поэтическим сказанием «Шахнаме»; городом-крепостью Кангдизом — столицей легендарного туранского царя Афрасиаба.

Но это в легендах. А на самом деле полностью ли забыто древнее название города? Попробуем обратиться к источникам. До нас дошли дорожники средневековых восточных историков и географов. Уж они-то, наверное, никак не могли пропустить в своих записках сведений о таком крупном городе. И действительно, изучая эти источники более четырех десятков лет назад, археолог Михаил Евгеньевич Массон, совершивший экспедицию по древним караванным путям ташкентского оазиса, определил, что холмы Канки — это руины средневекового города, определенного им как Харашкет¹.

¹ В сообщении арабских и персидских географов IX—XII столетий название города передается во многих иногда искажаемых до неузнаваемости вариантах: Харашкент, Харахкет, Хушкент, Хускент и т. д.

М. Е. Массон принял название Харашкет — город куланов. Но недавно на одной из монет XI столетия было прочитано еще одно — Хараджкет. Казалось бы разница всего лишь в буквах, но... «Харадж» — в переводе означает «налог», поступающий в центральную казну государства. Значит, название нашего города, выбитое на монете, — Хараджкет — скорее всего указывает на его принадлежность к рангу столичных городов. Так город обрел свое прежнее имя.

Более тысячи лет тому назад летописцы сообщали, что Хараджкет был вторым по величине городом Чача после его столицы. Располагался он вдоль южного караванного пути в одном фарсах от реки Чача — Сырдарья. И больше никаких сведений о таком городе-исполнине — крупнейшем центре ремесла и торговли на транзитном пути международного значения, проходившем из Ближнего Востока в Центральную Азию через Нишапур, Мерв, Бухару, Самарканд и Бинкет — Ташкент.

Правда, в средневековую пору этот путь перестал быть только транзитным. Мощные ремесленные центры Мавераннахра, выросшие вдоль него, производили такое обилие всевозможных товаров, что это затмевало транзитную торговлю. Потому некогда блиставший своими международными связями, караванный путь фактически превратился во внутреннюю торговую артерию владений Средней Азии.

Каков же был вклад различных городов в эту торговлю, их экономический потенциал? Ответ на этот вопрос могут дать сегодня археологи, раскапывающие такие крупные городские центры, как Бинкет — Ташкент или Хараджкет — Канку. Ведь в них, как в фокусе, сконцентрированы все передовые методы градостроительной культуры древних жителей ташкентского региона, пути развития их экономики и культуры. Все это предстояло узнать с помощью кропотливых раскопок. На пути к разгадкам тайн Хараджкета нас ожидало множество трудностей — явных и непредвиденных. Ведь проходили десятилетия, столетия, возможно, тысячелетия, и в сложных социальных и политических ситуациях менялись правители и поколения жителей города. Но каждое из них оставляло после себя следы жизни и производственной деятельности. Наслаиваясь друг на друга, разные исторические периоды и эпохи постепенно превращали городище в подобие слоеного пирога. Так где же его основа, ядро, первый кирпич, положивший начало его

жизни? Когда и отчего навсегда затих он, отдавшись во власть стихии и времени? На эти вопросы помогают ответить археологические раскопки.

РАСКОПКИ НАЧАЛИСЬ

За истиной иди — и путь найдешь.
Вперед...

Абу Али ибн Сино

Наступление на тайны Хараджкета началось с разведок и наблюдений за микрорельефом. Вскоре на стол археологов лег топографический план города-исполина, его «портрет» со сложными переплетениями горизонталей, подробно выделившими холмы построек и линии улиц. Размышляя над этим планом, археологи не раз ловили себя на мысли о желании немедленно начать раскопки на широких площадях, по всему городищу, освобождая из плена земли дома и дворцы, ремесленные мастерские, крепостные сооружения, чтобы вслед за этим полно и ярко осветить многоликую жизнь города хотя бы на каком-то одном историческом этапе. Но тогда останется без ответа вопрос о возрасте города. Назвать же дату рождения Хараджкета можно лишь методом стратиграфических раскопок. А это значит — на одном или нескольких участках городища надо прорезать вглубь всю толщу его наслоений до самого материка, на котором и должен находиться тот самый первый кирпич, с которого началась жизнь города. Тогда было принято решение вести комплексное исследование — одновременно с работами по стратиграфическим раскопкам вскрывать отдельные древние постройки во всех трех шахристанах городища. Но тут опять возник вопрос — какие выбрать участки для раскопок?

Изучая топографию городища, мы обратили внимание на то, что наиболее густо обживались юго-восточные районы города. Значит, в этом направлении и следует

В центре дома, отделенное от суф узкими канавками, покоплось возвышение подковообразной формы.

начинать работы. Что же касается стратиграфии, объект тоже определился — крепостная система, так как, возводя город, его обитатели заботились прежде всего о защите от внешнего врага.

Первый раскоп археолога К. Абдуллаева прорезал наиболее древнюю стену в первом шахристане на глубину более пятнадцати метров и вскрыл самые ранние сооружения города. В последующие годы раскоп неоднократно дублировался, но всякий раз картина получалась одинаковая. «Слоеный пирог» из культурных напластований — мощные пахсовые блоки стен, сырцовые и жженые кирпичи построек, слои пожаров и землетрясений, сильных завалов и ремонтных закладок таили в себе скрытые вести о периодах бурного расцвета города, былых трагедиях. Обломки керамических сосудов, изделий из железа и бронзы, украшения, мо-

неты и предметы воинского снаряжения помогали ориентироваться в исторических периодах и эпохах. Хронологическая «лесенка» с каждым новым штыком лопаты убегала в глубь веков. Самый верхний материал свидетельствовал о том, что город пришел в запустение, и жизнь его навсегда прекратилась в XII столетии. Но «лесенка» убегает все ниже и ниже. X, IX века... И вдруг! Монолитная платформа из квадратных кирпичей устилает материк. Вот он первый кирпич, положивший начало строительству самой ранней крепости города. Платформа, на которой возведена могучая крепостная стена, значительно выступает за ее пределы, и сооружена она под некоторым углом. Берма! Сооружение, которое являлось неизменным компонентом фортификационных комплексов и предназначалось для защиты стен от стенобитных машин еще в древнем Вавилоне во втором тысячелетии до нашей эры. А вот еще одна неожиданность — фрагменты изготовленного на гончарном круге сосуда с красным полосчатым лощением поверхности. Такие сосуды были широко известны в древнем Согда IV—II веков до нашей эры. Он напоминает римскую керамическую рыбницу.

После обработки и изучения разнообразного археологического материала, найденного во время раскопок — керамических черепков, монет получалось, что время «рождения» Хараджкета укладывалось в первые века до нашей эры. Значит, нашему городу по крайней мере 2300 лет!

Скрупулезные исследования культурных напластований вписали в биографию города еще одну существенную страницу. Было установлено, что от своего «рождения» до «гибели» он пережил несколько наиболее интенсивных периодов обживания. Первый период приходится на время существования могучего Кангюйского государства — с первых веков до нашей эры. Второй расцвет города наступает в период правления эфталитских

царей — V — VI века. Развивается Хараджкет и при правителях саманидской и караханидской династий во второй половине IX — начале XII века. Итак, первые страницы биографии города разгаданы. Но с разгадкой примерного «возраста» города родилась вторая загадка.

АНТИОХИЯ ЗАЯКСАРТСКАЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Тайны мира открывает человек...

Алишер Навои

Античные римские и греческие авторы считали все земли, расположенные к востоку от Яксарта — Сырдарьи — колыбелью кочевой культуры скифских народов саков. На границе этих земель они помещали и крайний город державы греко-македонцев — Александрию Эсхата, или Крайнюю, руины которой историки ищут в окрестностях Ленинабада. Отсюда в 329 году до н. э. Александр Македонский на понтонах из надутых бычьих шкур пересек Сырдарью и совершил поход против заяксартских саков. Однако на более поздних картах, кроме Александрии Крайней, упоминается еще один город — Антиохия Заяксартская. Некоторые историки считают, что это один и тот же город, а два названия возникли потому, что после смерти Александра Александрия Крайняя была разрушена в результате междоусобных войн. Городом завладел полководец Антиох. Восстановленный город и был назван его именем.

Но вот что интересно. Александрия Крайняя располагалась на левом берегу Сырдарьи, а само название Антиохия Заяксартская свидетельствует о том, что она была возведена по другую сторону реки, то есть на ее правом, восточном берегу.

Действительно, войны, вспыхнувшие в Азии после смерти Александра, коснулись и бассейна Сырдарьи. Заречные саки активно выступили против греческих

гарнизонов, стоявших на левом берегу реки. Через некоторое время укрепившиеся у власти эллинистические правители совершили ответные походы. Плиний сообщает, что между 290—280 гг. н. э. полководец Антиоха Демодам Милетский совершил поход против саков за Яксарт «...и воздвиг там храм Аполлону...». Именно в этот период и появляется на древних картах Антиохия Заяксартская.

Археологические исследования показывают, что в бассейне Сырдарьи, низовьях Чирчика и Ахангарана в то время существовали поселения саков-земледельцев с легкими жилищами — полуземлянками округлой формы. И лишь один пункт резко выделяется среди этих поселений — древнее ядро Канки-Хараджкета, включающее сорокаметровую цитадель, построенную в стиле античных крепостей, и первый шахристан. Его двойные стены на стилобатах (платформах) со специальными фортификационными приспособлениями (бермы) для защиты от стенобитных машин свидетельствуют о том, что строителями города были зодчие, хорошо знакомые с теорией и практикой античного военного градостроительства. Обычный строительный материал имеет здесь свои особенности. Единственный раз мы видим использование сырцового кирпича квадратного стандарта, употреблявшегося в эллинистическом Согде, Хорезме, Бактрии, но неизвестного в Ташкентском оазисе. В оборонительных коридорах наряду с местной посудой встречаются обломки сосудиков, формовавшихся в Согде. Все это говорит о том, что мы попали в город, который построен больше в стиле античных крепостей, чем местных сакских оседлых пунктов. Стало быть, если искать Антихоию Заяксартскую, то в первую очередь на Канке.

Правда, в качестве оплота эллинизированного Согда против саков эта крепость просуществовала недолго. Крепостные стены, едва достроенные, подверглись разрушениям и пожарам. Но сам город не погиб, а, наоборот,

быстро разрастался и увеличился почти в двадцать раз. Его постройки возводились уже из прямоугольного крупного кирпича, распространенного именно в восточных районах. Да и все предметы домашнего обихода — типично местные, без всяких «примесей». И это закономерно. Ведь как раз на грани III—II столетия до н. э. происходило мощное движение племен с севера и востока, которые смели остатки эллинизированных пунктов на восточных окраинах государства. Ташкентский регион вошел в состав могучего полукочевого объединения Кангюля, а на месте Антиохии выросла мощная крепость этих народов, первая столица древнего ташкентского государства, получившего у восточных народов название Чачстана.

Осмотрим еще раз древние постройки в цитадели Хараджкета, ее фортификационные сооружения.

ТАИНА КВАДРАТНОЙ КОМНАТЫ

Туранский богатый познавьями царь
В том храме решил поселиться, что встарь
Воздвиг Феридун. Храм священный огня
Там мудрый возвел, всру предков храня.

Фирдоуси

Небольшие квадратные залы VI—VII столетий в самом центре крепостного ядра древней Канки показались нам особенно глубокими. Обычно стены помещений в археологических раскопках сохраняются в лучшем случае на высоту одного-полтора метров. Наш раскоп опускался колодцем вниз все глубже и глубже. Уже шли четвертый, пятый метры, а стена все продолжалась. Под нами все еще не было пола, а лишь рыхлый слой заполнения помещения и завалы между монолитами мощных пахсовых стен. Только в конце пятого метра мы почувствовали, наконец, твердый уровень. Пол?

Похоже, потому что штукатурка стен закруглилась и соединилась с горизонтальной поверхностью уровня. Однако это оказался еще не пол, а горизонтальные пристенные возвышения — лежанки-суфы, обходящие стены зала по всем четырем сторонам. Лишь в одном месте они вдруг прервались узким проходом вдоль одной из стен, который вел в помещение. Вход оформлен небольшой стенкой-тамбуром, которая закрывала со стороны коридора все, что происходило в зале. Именно за этой стенкой расположена самая широкая суфа со специальным выступом в форме эстрады.

Сразу всплыли в памяти сюжеты древних росписей: на таких суфах восседали особо выдающиеся правители и свита их ближайшего окружения.

Находок в комнате почти никаких, но в углу между суфами, противоположными эстраде, — небольшая яма с костями птиц и молодого барашка. В центре зала, отделенное от суф узкими канавками, заполненными золой, покоилось возвышение подковообразной формы. У его плоского основания, на горизонтальной поверхности — небольшая лунка с сильно обожженными стенками и обрамлением в виде П-образного бордюра. В этой форме обрамления многие ученые усматривают стилизованные фигуры людей. А может быть, божества?

Следы огня не только в лунке, но и по всей поверхности возвышения. Снимаем один слой, другой, а под ними вновь и вновь появляются обожженные поверхности.

Точно такое же сооружение несколько десятков лет назад было открыто экспедицией В. А. Шишкина в парадном Красном зале дворца бухар-худатов на городище Варахша. Стены зала были украшены монументальной живописью, и В. А. Шишкин предполагал, что это либо тронный зал, либо дворцовый храм. В обоих случаях подковообразное возвышение служило местом хранения огня в жертвеннике или курильнице. Фрагменты

Канка. Хозяйства ремесленников в Шахрестане. Общий вид.

ножки керамической курильницы мы нашли в одной из канавок между суфами.

Канкинская «подкова» в квадратной комнате, конечно же, алтарь храма огня, действовавший регулярно не один десяток лет, а ямка в углу между суфами предназначалась для костей жертвенных животных и птиц.

Храм огня! Вспоминаются записи восточного ученого средневековой эпохи Беруни об основателе религии огнепоклонников Зороастры. «...Он возвеличил культ огня, считая его близким богу, так как огонь из его света и принадлежит к величайшей и превосходнейшей из стихий». Было это более двадцати пяти веков тому назад.

Изучавший храмы огня французский археолог Р. Гиршман выяснил, что алтари огня первых зороастрийцев не имели никаких помещений. Это были простые площадки, на которых под открытым небом горел священ-

ный огонь. Правда, одновременно с зороастрийскими появлялись храмы и других религий — квадратные залы с соответствующим той или иной религии интерьером, оформлением и ритуальными компонентами. Возможно, зороастрийцы позаимствовали отдельные приемы архитектуры других религиозных храмов и тоже спрятали божественный огонь в закрытые помещения — чаще всего в квадратные четырехколонные залы.

Получила свое объяснение и непонятная сначала глубина. Зал Канки оказался... двухэтажным. Но вот что совсем интересно и необычно. Штукатурка стен закругляется почему-то всего на высоте одного метра от поверхности суф. На этой же высоте в каждой из четырех стен мы расчистили по 15 ячеек, уходящих в стены на глубину 12—15 см и имеющих такой же диаметр — упоры для мелких балок. Их скосы и профили помогли реконструировать форму перекрытия квадратной комнаты. Оно получилось в виде усеченной пирамиды. Значит, перед нами основа для шатрового перекрытия. Нижние упоры стоек «шатра» упирались в горизонтальную балку-прогон фигурной формы, врезанную в стену. От этой балки тоже сохранились четкие следы. Теперь стало ясным, что на каком-то этапе функционирования храма шатер и заменил обычное плоское перекрытие. Таким образом, высота и размеры канкинского зала с алтарем оказались пропорциональными, даже более того, не монументальными, а производящими впечатление интимного семейного храма. По всему чувствовалось, что он не был рассчитан на массовые шествия, ритуальные пляски, сопровождавшиеся пиршеством. На его стенах нет красочных монументальных росписей с изображением сцен пиршеств или жертвоприношений, которые в других городах, например, в Пенджикенте, украшают не только храмы, но и домашние молельни. Канкинский храм в цитадели более сух и аскетичен. Все внимание здесь концентрируется на центральном алтаре. Узкие прохо-

ды между суфами исключают всякие массовые шествия, а небольшая высота «шатра» над суфами располагает больше к восседанию. Подобные храмы были раскопаны археологами в центре современного Ташкента в дворцовом комплексе Мянг Урюк и в горном согдийском замке Гардони Хисор.

Но были и другие храмы. Восточные историки описывали специальный храм в столице Чача, в котором два раза в году выставляли «золотую урну» с пеплом праха покойных родителей владетеля. Вокруг возвышения, на котором стояла урна, совершались массовые шествия, сопровождавшиеся рассыпанием цветов и плодов и завершаемые ритуальным пиршеством. Такой храм располагается не в цитадели, вход в которую был недоступен далеко не всем, а в городе, в его густо обжитых горожанами кварталах и вблизи центральных базаров. Мы даже предположительно наметили это место по древнему микрорельефу, но раскопки здесь только начинаются, и правы ли мы в своих прогнозах, покажет время.

СУВЕНИРЫ ЧАЧСКИХ КОРОПЛАСТОВ

Впереди шествует Берстрагна в образе вепря, устремляющегося вперед, обладающего острыми зубами, мужественного, с острыми клыками...

«Авеста», 10-й Яшт

Коропластика — производство миниатюрных скульптурных произведений — одно из древнейших искусств Средней Азии. Объемная скульптура ваялась скульптором индивидуально, оттискивалась в глубокой форме или рельефом, штамповалась в виде плитки. Иногда использовалась комбинация различных способов. Затем готовая фигурка обжигалась в специальной печи. Искусно созданные мастерами-коропластами даже самые маленькие фигурки — мужская или женская — вводят

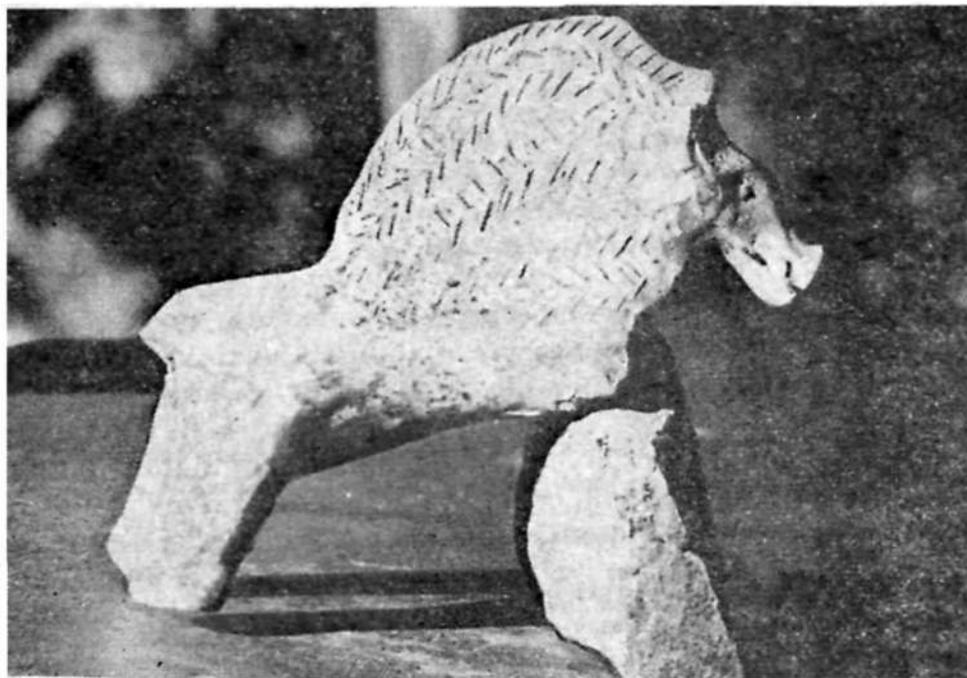
нас не только в мир древних религиозных культов. Они как бы живой слепок реальной жизни и передают нам информацию об этническом типе, одежде, вооружении и украшениях далеких предков, раскрывают перед нами уровень массового народного творчества.

Благодаря исследованиям советских ученых, в золотой фонд искусства вошла мелкая пластика Согда и Бактрии, Хорезма и Парфии. Коропластика Чача до недавнего времени была почти неизвестна. Зооморфные изображения, особенно изображения баранов, встречались довольно часто, попадались и реалистические изображения быка, головок и фигурок птиц. Они украшали крышки, носики или ручки небольших кувшинов и кружек. Протомы баранов оформляли специальные керамические подставки-пашлычницы, связанные с использованием огня. Фигурки козлов и баранов в разъяренных позах, как бы охраняющие содержимое, завершали крышки специальных керамических гробиков — оссуариев. В таких же позах изображались птицы.

Нам известно, что большинство изображений баранов связывалось с прославлением божества «Фарна» — символа благодати и изобилия. И вдруг Канка открыла нам интереснейшие мотивы культов, не известных ранее для Ташкентского оазиса.

При раскопках жилого сооружения пятнадцативековой давности с одного из уровней была извлечена терракотовая фигурка оцетинившегося вепря — могучего дикого кабана. Скульптура изготовлена из пластичной глины красноватого цвета и снаружи покрыта серовато-зеленым ангобом, распространенным с первых веков нашей эры и использовавшимся для украшения терракотовых изделий.

Крупный дикий кабан изображен в напряженной воинственной позе. Маленькие глазки его пылают яростью. В легком оскале виден торчащий клык. Морда вепря покрыта черной краской «в наплеск», что придает

Наш капкпский Веретрагна предстал в образе оцетинившегося вепря.

ему угрожающий вид. Переход от головы к загривку оформлен в виде вогнутого коронообразного треугольника с точечным орнаментом. Могучий загривок охватывает больше половины корпуса. Шерсть вздыблена.

Эта уникальная находка вводит нас в мир культов древних народов чачского оазиса, тесно связанного с соседними кочевыми районами. То был период обожествления сил природы, передававшихся в основном в образе животных. Если баран являлся символом божественной благодати и изобилия, птица — символом души, то кабан символизировал одно из важнейших восточных религиозных божеств Веретрагну — божество Победы. Из древних восточных религиозных гимнов «Авесты»

известно, что Веретрагна был самым вооруженным из божеств, приносил славу и исцеление, давал силу и изгонял злых демонов. Он постоянно сопровождает верховное божество Солнца — Митру и не случайно награждается самыми яркими эпитетами, такими, как «созданный Ахурамаздой», «приносящий славу», «Победоносный», «умиротворенный». В зависимости от условий это божество могло превращаться то в быка с золотыми рогами, то в белую лошадь с золотыми ушами. В тех же авестийских яштах читаем:

«...И в четвертый раз предстал ему Ахурой данный Веретрагна. В образе верблюда... сильного, ногами брыкающегося, косматой шерстью людей одевающего...»

«...И в седьмой раз предстал Ахурой данный Веретрагна. В образе птицы Варган (сокол или коршун), хватающей снизу (добычу) когтями. Клюющий ее сверху.

Из всех птиц быстреей, проворнейшей из летающих...»

Наш канкинский Веретрагна предстал в образе вепря. Вероятно, разные народы использовали различные превращения этого божества. Верблюд, например, был почитаем среди народов, населявших долину Зарафшана, в Самаркандском и Бухарском оазисах. В монументальных росписях, украшавших дворцы правителя VII—VIII веков Бухарского оазиса в Варахше, крылатые верблюды поддерживают подножие царского трона. На терракотовых статуэтках эти фигуры украшают троны правителей. Головки верблюдов между распахнутыми крыльями вырезаны на драгоценных камнях гемм и перстней согдийской знати, как олицетворение силы, мощи и неукротимости их обладателей.

У других народов такой же силой обладал дикий кабан. Изображение вепря известно на ручках керамики и сосудах сарматских народов. Особенно широко они были распространены в Крыму и на Северном Кавказе. Из древних источников мы узнаем, что кабан часто

упоминался в качестве составной части собственных имен армянских воинов и знати.

Находка в Ташкентском оазисе скульптурки кабана в позе, характерной для Веретрагны, наталкивает на мысль о почитании здесь кабана, как символа божества Победы. В этом нет ничего удивительного, потому что другие божества этого пантеона в Чаче нам уже известны. Только скульптурка кабана обнаружена впервые.

Но вот еще находка. Антропоморфная скульптура. Совершенно новое и неизвестное до того явление в Чачской терракоте. Нашли ее на самой окраине Канки — Хараджкета при раскопках монументального комплекса поры раннего средневековья, на глубине около трех метров.

Нашли вместе с железным наконечником копья и украшениями — бусинками. Плоская керамическая пластинка из глины кремового цвета. Стали очищать ее от глины и... Что это?! Глазам археологов предстала оттиснутая рельефом скульптурка вооруженного всадника. Фигура его обрамлена двойной стрельчатой арочкой. Всадник обращен лицом к зрителю. В его правой руке — копье, левая держит повод коня. Ноги выдвинуты вперед, очевидно, для того, чтобы четче обозначить стремена и опираются на какие-то округлые выпуклости. Возможно, в этих деталях мастером-коропластом была сделана попытка передать сами стремена.

Величаво спокойное, слегка удлиненное лицо всадника — с легким налетом монголоидности. Глаза полуприкрыты. Нос прямой, обрамлен усами и острой бородкой-клинышком. На голове — диадема из перлов, округлый шлем с шишаком, который завершается кверху султанчиком. По бокам шлема — роговидные отростки. Одет всадник в полосатый кафтан, возможно, кольчугу. Под ним фронтально изображен взнузданный конь. Головка его моделирована четко. Поражают лишь непропорционально большие размеры всадника по сравнению с конем. Но этот прием характерен для поры античности

и раннего средневековья — фигура главного персонажа подчеркивается не только тщательным оформлением, но даже увеличением его общих размеров. Обрамляющая всадника арка оформлена справа рядами перлов.

Что может рассказать эта уникальная плакетка? Пока еще не так уж и много — ее изучение продолжается. Но нам известно, что в 555 году хан Истеми в период борьбы с эфталитами назвал Чач западной границей своего государства. Статуэтка входит в разряд образков, изготовлявшихся в культовых целях в V—VI веках в городах Средней Азии.

Таковы первые сувениры чачских короoplastов, коллекция которых, несомненно, пополнится при дальнейших археологических раскопках.

КАРАВАН-САРАЙ ДРЕВНЕГО ХАРАДЖКЕТА

Их караван по рощам шел цветущим
И прибыл в град, подобный райским кушам.

Хосров Дехлеви

Еще во время аэрофотосъемок с самолета в хитроумном сплетении улиц мы заметили контуры крупных монументальных зданий. Одно из них располагалось на южной окраине городища. Четкие квадраты стен длиной около 100 метров, с воротами, обращенными в сторону самой широкой (главной?) уличной магистрали города.

Занимать целый гектар при очень плотных, скученных городских застройках (ведь земля в те времена ценилась на вес золота) могло лишь сооружение особого назначения. Так что же это — мечеть, дворец? Если так, то почему оно на окраине города и примыкает непосредственно к обширной базарной площади?

Раскопки начались несколько лет тому назад и продолжают сейчас. Но уже то, что вызволено из плена

земли, мы можем внимательно осмотреть. Высокие стены с предвратным сооружением, превращенным в своеобразную башню, встают перед нами. Что они скрывают от нас? Входим в просторный двор, застроенный по периферии комнатками-худжрами, от которых сохранились лишь порталы. Арочные входы оформлены пахсовыми пилонами. В их конструкции мы обнаруживаем кирпичи, которые получили распространение в строительной технике еще в VII—VIII столетиях, но тут же видим, что некоторые порталы украшены фигурными обожженными кирпичами. Да и сам стиль кладки характерен для XI—XII веков. Значит, здание функционировало более пятисот лет?!

Что может это окончательно подтвердить? Конечно, находки. Находки внутри двора. Увы, их не очень много, но зато какие. Монеты! Каждый день раскопок все новые — и медные кружочки тюркских правителей Ча-ча, и саманидские фельсы, и караханидские дирхемы. А когда стал раскрываться план всего сооружения, он вдруг удивительно ярко напомнил караван-сарай крепости Даяхатын, раскопанной в южной Туркмении и относящейся к IX—XII столетиям. Тот же план, и те же размеры, и расположено оно так же — близ южных ворот самого оживленного караванного пути. Наконец, такое же обилие монет.

Все наслоения во дворе содержат в себе явные признаки длительного содержания скота, скорее всего вьючных животных караванов. С севера к хараджкетскому караван-сарая примыкает просторная площадь самого крупного городского базара. А при раскопках городского квартала между воротами и караван-сараям были раскрыты мастерские кузнецов и керамистов, ткачей, резчиков по кости. И это лишь на небольшой площади вскрытого квартала.

Раскопки караван-сарая раскрыли перед нами еще одну из интереснейших страниц экономической жизни

Под первым — очаг со следами золы
и древесного угля.

второго по величине городского центра средневекового Чача. Уже входя в ворота, купцы торговых караванов из Бухары, Самарканда, Ферганы сразу знакомились с ремесленной продукцией Чача — не зря мастерские в городе сочетались с торговыми лавками. А останавливались караваны в преддверии основного базара. Но караван-сарай были не только местом остановки купцов. В них совершались самые крупные торговые оптовые сделки. Географ X столетия Абдул-Хасым ибн Хаукаль писал: «В караван-сараях живут торговцы с товарами, предназначенными для продажи в них. «Особенно оживленной в караван-сараях была торговля товарами, которыми славился данный город. «Каждый караван-сарай, — продолжает Ибн Хаукаль, — походит на рынок какого-нибудь города. «Все это свидетельствует о широком размахе торговли, связавшей невидимыми нитями самые различные города государства. Историк XI века писал, например, о богатых купцах, о том, что их чеки, выданные на западном конце мусульманского мира, учитывались в его восточном с большей быстротой, чем шло поступление налогов в казну самых сильных правителей. Поэтому и строительство караван-сараяв было весьма доходным предприятием, а обладатели их обычно становились знатью и духовенством. Вырастали караван-сарай на самых оживленных, бойких местах и становились центрами, вокруг которых располагались ремесленные ряды и дома купечества. Здесь узнавали последние торговые и политические новости, которые в те далекие от нас времена передавались из уст в уста. Как же нам сейчас, спустя почти тысячелетие, узнать эти древние экономические и политические новости?»

Конечно же, опять с помощью монет, ведь по ним можно «сузить» различные даты жизни города, узнать имена правителей, места чеканки и проникнуть в тайны экономической и политической истории древнего города.

И вот кропотливый труд археологов вознагражден — в караван-сараях найден клад монет!

В нем — 23 дирхема, отчеканенных правителем Мухаммадом — сыном Кадырхана в Шаше и столице Илака Тункете, лежащем на берегу Ахангарана, неподалеку от Алмалыка. На монетах дата — 1030—1031 годы нашей эры. О чем же повествуют монеты?

Ташкентский оазис, вошедший в конце X века в состав Тюркского государства караханидов, в первой половине следующего столетия стал ареной острой борьбы между правителями его западной и восточной ветвей. Монеты Хараджкета и «сообщили» нам о перемене политической власти. Правивший бассейном Сырдарьи представитель восточной ветви династии, наместник Кадырхана Мухаммад, через три года сам стал верховным ханом и под именем Бограхана правил еще 15 лет. Потом власть перешла в руки нового правителя. Об этом нам «рассказали» другие монеты, найденные на этот раз при раскопках крупного хозяйства правителя в цитадели, а потом и в доме ремесленника, расположенного возле южных городских ворот. Это были дирхеми нового караханидского правителя Шемс ал-Мулька Насра (1068—1080 гг.), чеканенные около 1075 г. н. э. Это самые последние по времени монеты, найденные на территории Хараджкета.

Работы в караван-сараях продолжаются и обязательно откроют перед нами еще немало интересных страниц о былой жизни города, ведь резерв пытливых, дотошных исследователей старины неиссякаем, как неиссякаемо стремление человека к познанию сокровенных тайн бытия.

В ХОЗЯЙСТВЕ ПРАВИТЕЛЯ

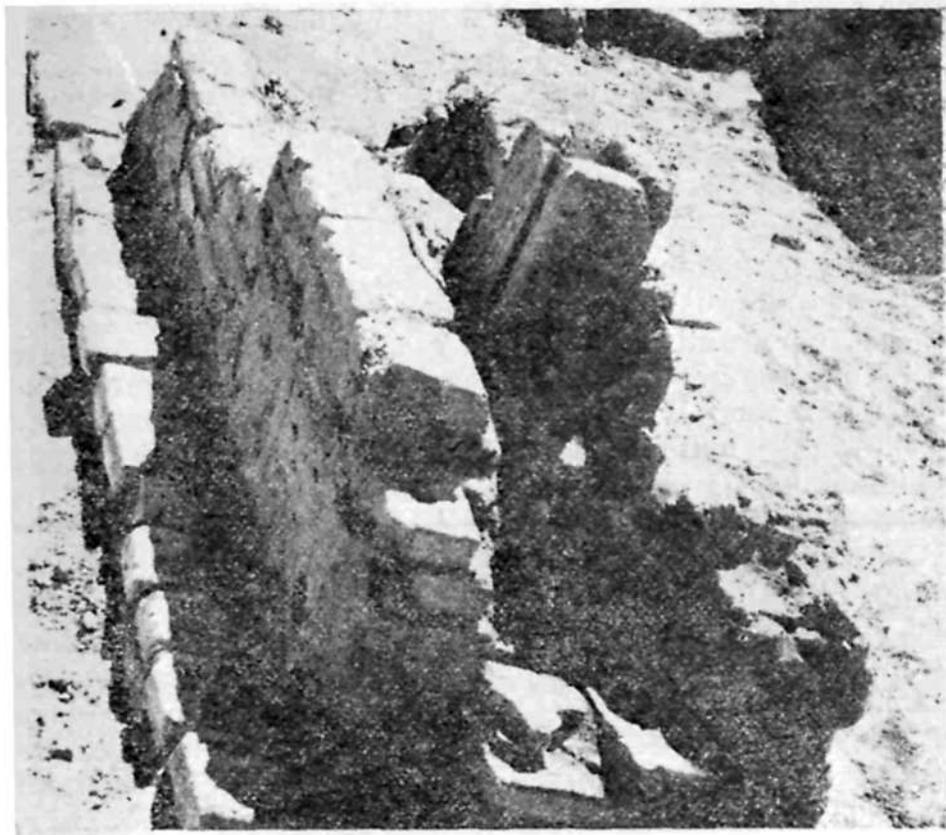
Здесь ветер шепчет древние преданья
Под стенами далекой старины...

Из песни

Богатые купцы, посещавшие Хараджкет со своим караванами в период правления царей караханидской династии, наверняка были желанными гостями в домах городской знати и правителя города. Попробуем и мы с вами пойти по их следам.

По узкой тропинке, убегающей вверх по восточному пандусу, поднимемся в замок правителя. В XI — начале XII века вся цитадель, бывшая в более ранние времена грозной крепостью, густо обживалась. Уже на склонах ее — десятки комнатушек и хранилищ, бесконечные колодцы сливных и хозяйственных ям, кухонь, тандыров. Можно лишь представить, как издали, особенно в ночное время привлекательно выглядела цитадель Хараджкета, залитая огнем факелов и светильников-чиратов, отблесками огней тандыров и очагов, сливающихся в одно багрово-красное зарево.

Сотни кубометров земли, выбранные во время археологических раскопок, освободили из заточения большое и сложное феодальное хозяйство. Столетия назад восточный пандусный подъем на сорокаметровой высоте венчал парадный вход, вводящий в большой внутренний двор, вымощенный жженым кирпичом. Внешние ворота коридора открывались внутрь. Именно с этой целью средневековые строители выдолбили в пахсовых стенах неглубокие ниши. Сохранились и выкопанные в полу круглые ямки — шарниры для вертикальных опор ворот. Интересно, что в заполнении этих ямок вместе с остатками истлевшего дерева были обнаружены следы... железа. Не трудно понять, что строители «обували» опущенный в ямку отрезок деревянной опоры в желез-

Капы — далекие предки современной теплоцентрали.

ный «носок», чтобы уберечь дерево от преждевременной порчи.

Пол в коридоре вымощен жженым кирпичом. По обеим сторонам коридора — невысокие глиняные суфы, выложенные из жженого и сырцового кирпичей и хорошо оштукатуренные. Правда, одна суфа несколько короче и прерывается тремя ступеньками, которые вводят нас в квадратное помещение площадью около 18 м^2 . Пол его обмазан цементирующим раствором и понижается к западному углу — в сторону глубокой ямы. Зеленые

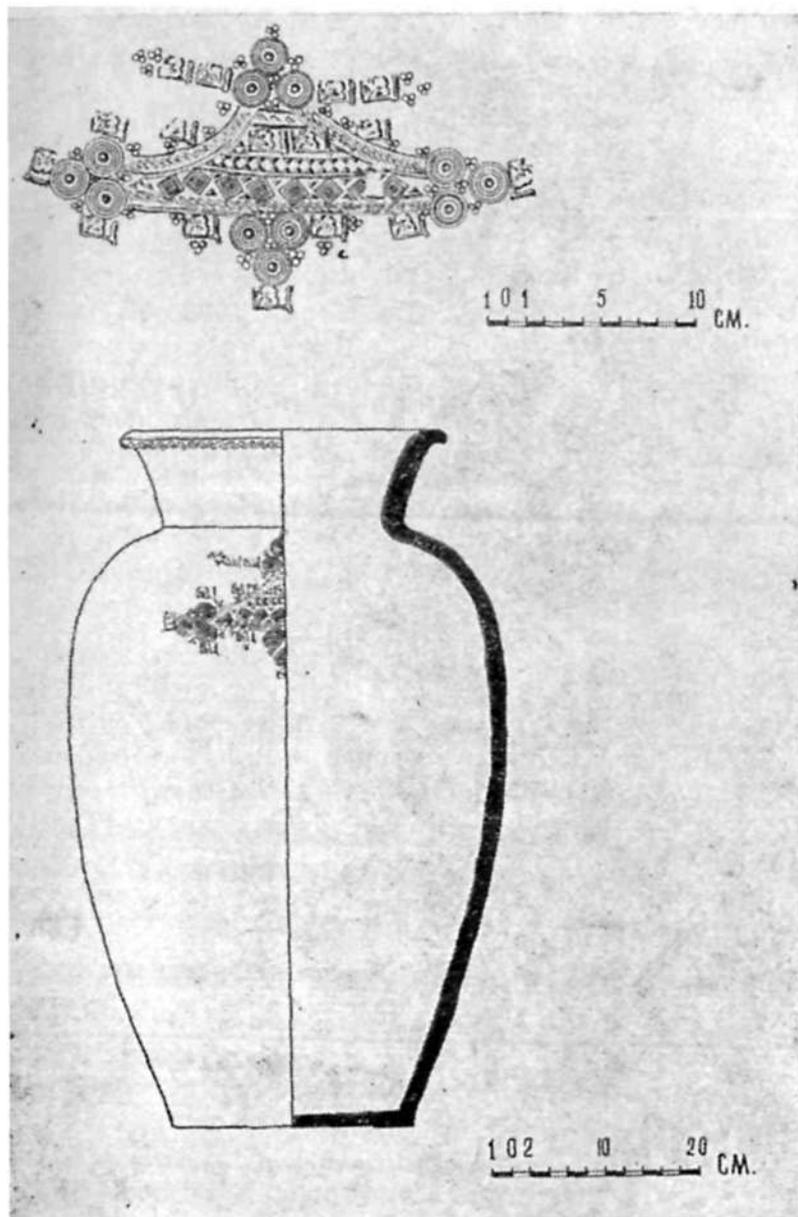
налеты на ее стенах — явные признаки длительного воздействия воды. Ташнау — сливная яма! Значит, комната была связана с постоянным использованием воды. Окончательно разгадать ее секрет помогли два больших углубления, раскопанные посередине комнаты. Под первым — очаг со следами золы и древесного угля. Больше чем наполовину наружной длины его окружности — вымостка из трапециевидного кирпича.

Второе углубление расположено от первого на расстоянии 60 см. Это — комната омовения. Прежде чем войти на прием к правителю посетитель должен был побывать в ней. В его распоряжении — два керамических котла — один с горячей, другой с холодной водой. В донной части котлы были более 80 см в диаметре, а тулово еще больше.

За вторыми воротами, ведущими в хозяйство правителя, со стороны внутреннего двора мы раскопали еще одну суфу, но уже квадратной формы и мощеную крупным жженым кирпичом. Суфа стражника? Не исключено.

Войдем в цитадель. В глубине двора, в его юго-западной части, напротив входа, остатки крытой веранды — айвана. Грубо, будто бы на скорую руку, сложены из обломков жженого и сырцового кирпичей тонкие стенки, но хорошо обмазаны и оштукатурены. Зато фасад айвана выложен из добротного жженого кирпича фигурной кладкой в форме затейливой лесенки. Сильно опаленный глинобитный пол, большие прокаленные огнем фрагменты пахсовой штукатурки с хорошо сохранившимися следами резного орнамента — фриза. Всюду следы сильного пожара.

А вот сгоревшая деревянная опора перекрытия — две сгоревшие полутораметровые балки, упавшие внутрь айвана. Под ними — несколько сердоликовых бусинок и... персиковая косточка. В углу комнаты — хорошо сохранившийся деревянный гребень. Его форма напоминает женское чело, обрамленное вьющимися локона-

Крупный парадный хум, опоясанный штампованными фрагментами в виде цветов.

ми длинных волос. Девять столетий пролежали эти предметы на полу айвана, уничтоженного пожаром неизвестного нам пока происхождения.

Все хозяйство правителя-феодала разделено на две части — парадный и производственно-хозяйственный комплексы. Комнаты парадного комплекса сравнительно небольшие. Для караханидской архитектуры «клетушки» весьма типичны. Исчезли со временем и перекрытия, и окна, и двери, но зато сохранились глинобитные суфы, обложенные кирпичами небольшие очажки-сандалы для отопления комнат, замысловатые по конструкции каны — сложные по тем временам сооружения с топочными камерами и узкими продухами — своеобразными теплопроводами — далекие «предки» современной теплоцентрали.

Узкий коридор приводит нас в просторное помещение, расположенное в южном углу парадного комплекса. Раскопки здесь велись на площади около 100 м². Каждый день приносил все новые и новые находки. Вот большая суфа-лежанка, рядом с ней — крупный очаг-кан, сложенный из жженого кирпича. В хорошо сохранившемся полу, вымощенном с небольшим понижением в сторону от суфы — большие ямы, тазар. По интерьеру все это сооружение похоже на комнату омовения. Но размеры значительно больше, богаче интерьер. По всем признакам это баня правителя и членов его семьи.

Комнаты парадного комплекса подарили нам прекрасную глазурованную посуду, сосуды, типичные для XI — начала XII веков. Это и громадные блюда-ляганы светлой и темно-зеленой поливы, и ярко-желтые бесформенные фрагменты какой-то другой посуды, украшенные растительными орнаментами, и донца с вихревой розеткой. А вот крупный парадный хум стройных пропорций, полутораметровой высоты, с максимальным диаметром тулова до одного метра. Сохранился он полностью, обломан лишь венчик. Снаружи этот великан

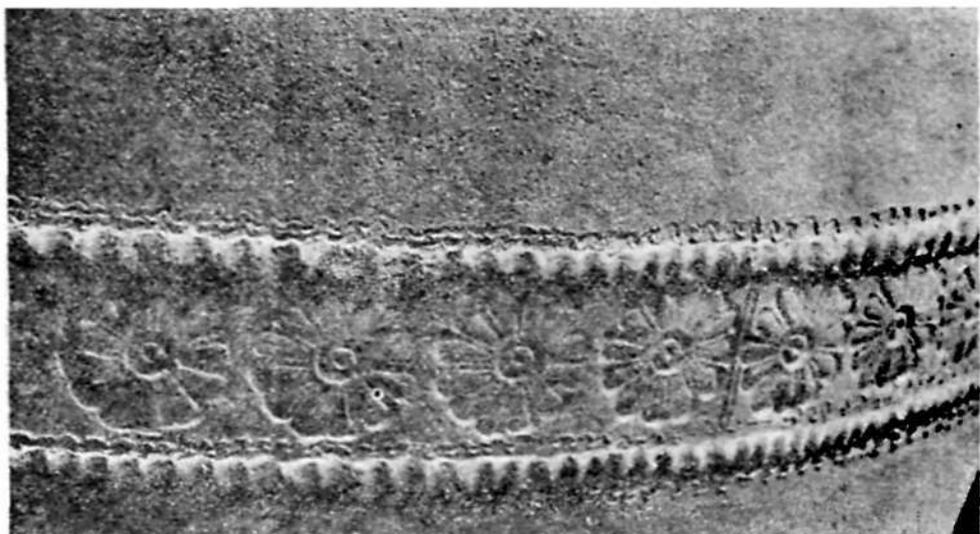
орнаментирован рельефными округлыми налепами и искусно опоясан штампованными фрагментами в виде цветов.

Изучая в комплексе всю архитектурную планировку цитадели, мы обнаружили признаки шести архитектурно-строительных перестроек. Но интересно еще и то, что стенки многих комнат и коридоров, так же как и их «ремонтные рубашки», примыкают не к самим пахсовым, более ранним по времени стенам, а к их оплывам. Получается, что к началу сложения данной застройки цитадель длительное время не функционировала, как крепостное сооружение. Стены ее разрушились, внутри и снаружи образовались оплывы. Строители использовали скелет крепости, построенной их предшественниками в период раннего средневековья и сделали внутренние перестройки, даже не очистив стены от оплывов. Так небрежность строителей помогла сделать вывод о том, что на определенном этапе цитадель пребывала в запустении. Но одна загадка, хотя она и была разгадана, тут же породила другую — каковы причины запустения?

Есть несколько гипотез. Вот одна из них. В период бурного расцвета город разрастался и ранее возведенные крепостные стены утрачивали свои функции. Они как бы преграждали путь естественному развитию города. И городская жизнь захватила рабад — пригород. Цитадель «сиротела». Знатные обитатели стремились перенести венец своей власти в новые городские центры. О подобных явлениях упоминает и уже известный вам средневековый географ-путешественник Истахри, который, кстати, называет в своих записках и крупный город Чача — Хараджкет, стоящий на оживленном караванном пути из Чача в Согд и в другие страны Ближнего и Среднего Востока.

Но вот наступает период, когда жизнь чачских городов, в силу определенных социально-экономических или политических причин вновь приходит в упадок. Город

опять сжимается до прежних границ, отступает за крепостные стены, словно прячется то от голода и нужды, то от грозящей военной опасности. И тогда цитадель «оживает» снова.

Деталь.

Узкая, в полкирпича, пятиметровая стена отделяет парадный комплекс от производственно-хозяйственного. Плотность застройки этой безрадостной обители царской прислуги настолько велика, что между тесными клетушками помещений нет ни одного сквозного прохода. Они или сообщаются друг с другом, или входом своим обращены к двум главным коридорам. Один из них выводит за пределы внешней стены, где оборудованы санитарные узлы — туалетные и бадрабные ямы для пищевых и бытовых отходов. Второй — юго-западный — коридор протянулся от квадратного хранилища. Его площадь составляет чуть больше пяти квадратных метров — до совсем крошечного помещения — три с половиной, четыре квадратных метра с небольшим очажком.

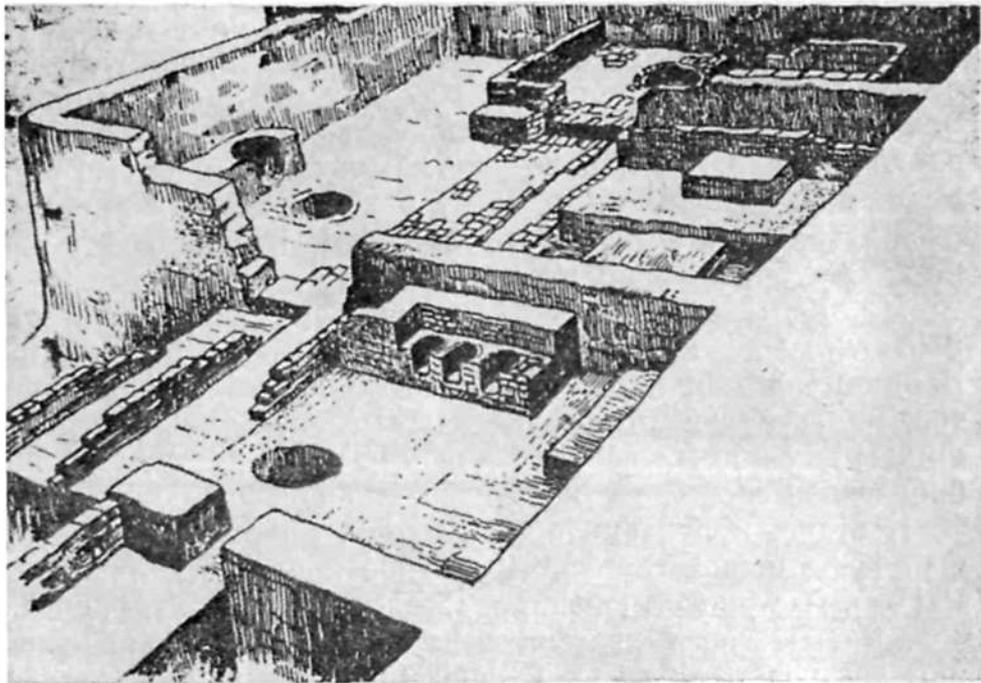
Возможно, в этом тупике была комнатка одного из слуг, скажем, хранителя царских ценностей. Вдоль другой стены коридора, отгороженные друг от друга тоненькими стенками, расположились узкие прямоугольные кладовушки. Стояли в них когда-то хумы, набитые провиантом, на полах и полках лежали тюки с тонкими расшитыми тканями. Часть продуктов хранилась в нишах, вырубленных прямо в пахсовых стенах.

На противоположной стороне коридора единственный вход, за которым располагались три помещения. В одном из них мы нашли остатки рабочих инструментов, многочисленные фрагменты сфероконусов — небольших грушевидных сосудов для хранения ртути, кусочки бронзовых заготовок, железные и бронзовые шлаки.

К стене, противоположной входу, пристроена небольшая суфа с вмонтированным в нее крохотным очажком. Мы — в мастерской ювелира. Представляется его работа...

...Вот мастер выхватывает из огня специальным крючком тонкую пластинку, и звон молотков заполняет тесную мастерскую. В одно кольцо вправит ювелир небесного цвета бирюзу, в другое — кроваво-красный гранат. а потом, склонившись над наковальней и, орудуя молотком и тонким долотом, часами будет чеканить тончайший ажурный рисунок, который украсит рукоять царской плети или его меч. В свободную минуту займется мастер своей любимой игрой в кости. Одна из них, хорошо обработанная, прекрасно отшлифованная, лежала под самой суфой, на которой трудился ювелир. Судьба мастера-ювелира неизвестна нам, но, судя по всему, нелегко жилось ему в доме правителя Хараджкета. Вот перед нами два крохотных бронзовых кружка, на которых заметны слабые следы чеканки. Не монетки ли пытался отчеканить для себя ювелир?

За стеной мастерской ювелира еще одно помещение. Нам удалось полностью восстановить его «биографию» после того, как были обнаружены следы двух перестроек.

Квартал средневековых ремесленников.

Сначала оно представляло большую комнату, вход в которую открывался через крытый внутренний дворик, вынесенный за основную стену. Там сооружен большой тандыр. Вход в комнату из дворика с тандыром перекрывался дверью, которую мы нашли под полуметровым слоем завала, почти совсем сгоревшую. Рядом лежала изъеденная ржавчиной задвижка. Здесь же медная цепочка с остатками железного подвеса, бронзовая декоративная ручка, а в самом углу прохода — бронзовый колокольчик и пастовая бусина 'бирюзового цвета'. Помещение это скорее всего было связано с кухней. После пожара его несколько перестроили. Заложили проход во дворик с тандыром и соорудили в самой комнате два больших очага.

Очень интересная находка ожидала нас в квадратном хранилище. В одной из его стен, в нише, вырубленной в виде реторты, мы обнаружили керамический горшок с остатками зерен пшеницы.

Стена, сохранившая для нас очень важную информацию, преподнесла еще один сюрприз. Она повернула в сторону замка и... исчезла в мощном слое завала. Стена будто звала нас за собой, и мы пошли, ориентируясь по глинобитному полу хранилища и вскоре наткнулись на замурованный в стене проход, обращенный в сторону замка. Так была открыта большая двухмаршевая лестница, которая выводила на самую верхнюю площадку цитадели — постройку легкого типа — балахону, занимавшую площадь более пятидесяти квадратных метров. С нее открывался чудесный вид на город и долину Ахангарана.

В мрачном запутанном интерьере заброшенного раннесредневекового замка зияет огромный, обрамленный арочным сводом вход, убегающий темным коридором в неведомые нам пока подземелья. Можно предположить, что в период раннего средневековья подземный ход выполнял определенные фортификационные функции, а строители поздних архитектурных сооружений не стали обживать внутренние помещения замка. Напротив, они засыпали и забутовали дряхлые руины и соорудили наверху балахону, а вот подземелье сохранили и использовали его как своеобразную сардобхону — комнату прохладной воды и хорошее укрытие от знойного летнего солнца.

ЗОЛОТО ДРЕВНЕГО ЧАЧА

Он создай мотыгу, топор и пилу,
Начало кузнечному дал ремеслу...
Основой тогда процветания стал
Блестящий, из камня добытый металл.

Фирдоуси

От цитадели правителя Хараджкета, по широкой извилистой уличной магистрали мы входим в квартал ремесленников. На всей площади высятся стены двадцати шести раскопанных помещений, шесть обособленных самостоятельных хозяйств. Плотность застройки поразительна — все дома вплотную сомкнуты друг с другом, лишь толстые глухие стены отделяют одно хозяйство от другого. На первый взгляд кажется, что хозяйства резко отличаются друг от друга. Действительно, вот дом площадью более 250 м², а неподалеку от него — совсем крошечное хозяйство, почти в пять раз меньше. Но между большими и маленькими домами есть явное сходство. В каждом из них — дворик, холодная баня с колодцем-водоотводом (ташнау), облицованным жженым кирпичом. Фигурная выстилка из кирпича украшает и сам дворик, или только небольшую его часть. Кухонно-хозяйственный комплекс с одной или несколькими печами и кладовыми-хамбе, с наземными ларями и отсеками для хранения различных продуктов специально выделен и удален от жилой половины. В хозяйстве — три — восемь комнат, среди которых мы расчищаем гостиную — михманхону, жилые и производственные помещения.

Уже при раскопках первых хозяйств стало ясно, что перед нами квартал средневековых ремесленников. И древние стены и многочисленные находки, поднятые с расчищенных полов, дали богатый материал о самых разнообразных видах производства Хараджкета.

В комнатах первого хозяйства вместе с бытовыми находками были обнаружены заготовки из расчиленного рога и кости. Во дворе, в стороне от хозяйственных очагов, проявляется печь какой-то совершенно замысловатой конструкции. Небольшая, округлая, с сильно обожженными, а местами даже оплавленными стенками. Одна стенка очага обрушилась и в углубленном завале мы увидели керамическую трубу странной формы. Как и стенки очага, ее край обгорел и оплавился. Вот он ключ к разгадке! Подобная керамическая труба — это хорошо известное кузнецам и металлургам сопло, через которое с помощью мехов нагнетался воздух в плавильную или кузнечную печь. Сопла средневековых металлургов были одинарными и двойными в зависимости от того, какой металл подлежал обработке. Наша находка — это фрагмент двойного сопла. Значит, оно приспособлено к усиленному нагнетанию воздуха в печь двумя мехами! Здесь обрабатывался твердый металл.

Рядом с печью, в хозяйственной яме, среди отвала находим куски металлического шлака, а вместе с ним — железная, еще не очищенная крица. Такое железо поставляли в средневековые города из своих сыродутых горнов плавильные пункты, расположенные непосредственно близ рудников. В мастерских кузнеца или металлурга эти крицы многократно проковывались в специальных печах и «отжимались» таким образом, что из них вытекал шлак. Затем очищенное железо с помощью различных приемов, зачастую секретных, превращалось в полосы твердой стали, или мягкое «поковочное» железо. Вот в такую мастерскую кузнеца XI столетия и попали мы во время раскопок ремесленного квартала. А рядом сырье превращалось в готовую продукцию. Судя по находкам, в хозяйствах города она удивительно разнообразна. Столовый нож и капгыр — шумовка повара, серпы и кетмени для земледельцев, топоры, петли цепей и крупные гвозди, кинжалы и мечи, широкие ром-

Пряжка из золотой бронзы с изображением всадника — воина.

бovidные и пулевидные бронебойные наконечники стрел, кольчуга, конская упряжь, замки и ключи, подковы для воинов-всадников, перстни и пряжки. Это лишь часть продукции кузнецов Хараджкета. Находки сделали понятным и назначение резной кости и пиленого рога, из которых выделывались различные рукоятки для ножей и других изделий, изготовленных из кирпичного железа.

Такие же мастерские с полным набором орудий труда, криц и костяных заготовок были найдены лишь только в раннесредневековом Пенджикенте, около

Самарканда. Находки на Канке расширили географию распространения этого древнего ремесла.

Походив по раскопанным мастерским нетрудно представить, как мерно постукивали молоточки, как под ними рождались замечательные произведения искусства хараджкентских торевтов, чеканивших кувшины из золотистой бронзы и благородных металлов. Ученые считают, что мусульманские запреты на широкое использование сосудов из золота и серебра вернули вторую жизнь медно-чеканному ремеслу.

В руинах одной из комнат, на полу, под завалами стен был найден совершенно целый фигурный водолей, вычеканенный из золотистой бронзы — совсем небольшой, высотой чуть более десяти сантиметров, стройных, тонких пропорций кувшинчик грушевидной формы на кольцевой ножке — безмолвный современник средневековья, оставленный нам искусным мастером-металлистом! Но безмолвный ли? Не может ли он помочь нам открыть тайны минувших столетий?

Попробуем прочесть «иероглифы» чеканки, витиеватые линии его формы. Тулово кувшинчика оформлено шестью сердцевидными пластинками, на одной из которых каллиграфическим почерком нанесена рельефная вязь букв. Отделенное от пластинок рельефным граненым бордюром, узкое тянутое горло завершается устьем, искусно оформленным в виде головки молодого оленя. Слив кувшинчика сделан в виде открытой пасти, чеканкой переданы глаза и ноздри, рельефными лепестками — уши. Головка оленя должна была завершаться крышечкой с рогами-навершием, но она, к сожалению, была утеряна, очевидно, еще в древности, так же, как и ручка, от которой сохранились лишь незначительные следы. Датируется кувшинчик довольно точно, ведь вместе с ним на полу найдена не только глазурованная керамическая посуда, но и медные караханидские монеты начала XI столетия. Не случайно и оформление его в виде животного. Зооморфные мотивы

Чаша с изображением птицы счастья — Семург.

— это дань старой традиции древних культов, глубоко укоренившихся в Средней Азии. Помните — сувениры чачских короoplastов?

Точно такой же водолей X—XI столетий, но выполненный в виде фигурки волка, был найден когда-то археологами в древнем Таразе, расположенном в степных районах к северу от Ташкента. Все это свидетельствует о том, что в ташкентском оазисе, на границе с кочевыми районами долго сохранялись культы обожествления животных.

Ну а как же надпись на одном из лепестков кувшинчика? Сохранилась она плохо, и нам удалось прочесть лишь несколько слов «... Работа мастера...». Имя и другие сведения остались в тайне. Но работа по расшифровке

продолжается, и мы надеемся, что она завершится успешно.

По соседству с домом — мастерской металлургов — большое хозяйство, комнаты которого формируются вокруг маленького дворика и соединяются между собой узкими коридорами. А вот третья... Сразу бросается в глаза печь какой-то еще более странной и затейливой конструкции, чем в мастерской ремесленника-металлурга. Печь похожа на тандыр, но стены ее сложены из жаростойкой глины с большими добавлениями камней. Внутреннее заполнение — с тяжелыми слоями красной обожженной глины. Сбоку к печке так же подходит керамическая труба мехов. Как и в первой печи, она служила, скорее всего, для искусственной подачи воздуха. Подсобные комнаты, расположенные вокруг печи, производят впечатление производственных помещений. В одном из них большое хранилище — площадка с сильно прокаленным очажком, скопления венчиков и донцов сосудов сфероконической формы, служивших для хранения ртути. А неподалеку была найдена половинка складной каменной формы для отливки ажурного украшения — граненого кулона. Значит, можно предположить, что здесь, по соседству с металлургом, трудился мастер-ювелир.

Гудел в топке нагнетаемый мехами воздух, дышала жаром огромная печь, а ювелир занимался своим привычным делом — протравливал ртутью замысловатые орнаменты на изделиях, сделанных из драгоценных металлов или отливал украшения и амулеты одновременно.

С глубокой древности Ташкентский оазис был известен на Востоке, как один из крупных центров по добыче благородных и цветных металлов. О золоте Чача, находившем широкий сбыт на международных рынках, сообщают китайские хроники VI—VII веков. У арабских географов начала VIII века мы узнаем о громадных серебряных рудниках, существовавших в составе госу-

дарств в качестве самостоятельных податных единиц. Географы X столетия восторженно описывают богатые золотые и серебряные месторождения в долинах Чирчика и Ахангарана и среди них — серебряный рудник, носивший сказочное название «Гора серебра» — Кухисим.

Археологическое изучение этих пунктов показывает, что добыча металлов зародилась здесь задолго до того, как рудники стали известны историкам Востока. Ряд серебряных рудников был известен уже не менее двух тысяч лет, а отдельные золотые, возможно, и двадцать пять веков тому назад. Так вот, если о чачских рудниках древние авторы сообщали много, то о кузнецах и металлургах, ювелирах и камнерезах сведений почти нет. Вот почему канкинские находки в значительной мере восполняют этот пробел в древней истории крупного чачского города.

В цитадели Канки была найдена миниатюрная, художественно выполненная пряжка из золотистой бронзы с рельефным изображением всадника — воина на лошади. Рисунок поражает мастерством и реалистичностью. Всадник дан в профиль, но лицо и корпус — в трехчетвертном развороте к зрителю. Лицо с впалыми глазами, прямым носом, опущенными усами и разделенными на двойной пробор волосами — кажется портретным. На его груди — украшение типа гривны. Одежда, напоминающая кафтан, оторочена, вероятно, нашивками, рукава с опущенными манжетами. Нога, как в сасанидских рельефах, прикрыта щитком. Левая рука держит на коротке узду, правая опирается на налучье длинного, косо подвешенного колчана.

Конь с коротко остриженной гривой и султаном на голове представлен в полном снаряжении и с украшениями в виде подвесных металлических предметов колоколовидной формы и кистей, висящих вдоль груди.

Перед нами действительно портрет, но портрет обобщенный. Это типичный представитель тюркской кочевой

знати, стоявшей у власти в Чаче в VII—VIII веках и сыгравший большую роль в политической истории региона. Эти войны во главе с правителями Чача в начале VIII столетия помогали Самарканду в борьбе с завоевателями — арабами, несколько десятилетий сражались с войсками Халифа в бассейне Сырдарьи, выступали против нашествия китайцев на Чач. В начале IX века активно участвовали в восстании против центрального правительства арабского военачальника Рафи ибн Лейса.

Портрет канкинского всадника в искусстве VII—VIII столетий не случаен. Исследователи Востока отмечают, что именно в раннесредневековую пору конный витязь вторгается в искусство, где до этого господствовал «звериный стиль», знаменуя переход от мира древних мифов к реалистическому изображению аристократического мира кочевой знати.

Искусство городского мастера, выполнявшего заказ кочевника, отличается верностью изображения и тщательной отделкой деталей. Металлическая фигурка напоминает роспись миниатюры. Не менее интересен, хотя и выполнен в иной манере, золотой медальон с односторонним мужским портретом. Найден он был возле южных ворот Канки. Округлое лицо усатого мужчины будто сошло к нам с тюркской монеты Чача, где скупыми чертами представлен тот же тип знати, с драгоценной пекторалью и убранством костюма. Подобные изделия были найдены в тюркских слоях Тянь-Шаня и представляют собой интересную и еще мало изученную страницу раннефеодального искусства восточных районов Средней Азии.

В ином стиле выполнена небольшая золотая серьга, найденная в пригороде Канки. Легкий кольчатый тонкий ободок полусферы является основой, на которой жестко и свободно закреплены золотые же подвески. Одна — неподвижная в виде зерна бобового растения и четыре —

подвижные, напоминающие зерна злаков, в первую очередь ячменя. Это чисто земледельческий орнамент. Свободно расположенный на основе подвески он придает серье легкость и ажурность.

Это лишь разрозненные изделия, но и они приоткрывают нам мир искусства древних мастеров, сочетавших вкусы и земледельцев, и скотоводов, из контактов которых складывалась культура племен, населявших Ташкентский оазис.

ГОНЧАРНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Слышал я: под ударами гончара
Глина тайны свои выдавать начала.

Омар Хайям

Тысячелетие тому назад один из крупнейших географов Востока Макдиси, объехавший много стран и знавший о других от купцов и ученых, писал, перечисляя товары, пользующиеся особой международной известностью: «...Ты не увидишь в мире подобного мясу и дыням Бухары, лукам Хорезма, глазурованным сосудам Чача, бумаге Самарканда, винограду Герата...»

Среднеазиатские гончары с давних пор прославили свою продукцию далеко за пределами Мавераннахра. Сосуды изящных легких форм с колоритной росписью под светлой прозрачной глазурью украшают сейчас лучшие музеи мира.

Разнообразны и восхитительны по своей красоте керамические изделия мастеров Хараджкета. Крупные, почти полуметрового диаметра открытые и легкие блюда-лаганы с резким профилем линий стенок и на кольцевом поддоне, небольшие мягких очертаний чаши, глубокие с коническим расширением к устью миски норин-тавак, крошечные, самых разнообразных форм повторяющие

все типы крупных сосудов мелкие пиалы для фруктов и сладостей.

Обилие форм, сочетающихся с удивительной легкостью и пропорциональностью, может воздать честь изобретательности мастера любой школы. Но еще богаче мир чачского художника-керамиста, в творчестве которого использован богатый арсенал и изобразительных элементов, и колористических контрастов. Причудливые растительные побеги сплетаются с символическими рисунками. Выписанные с большим каллиграфическим искусством благопожелания и другие надписи сочетаются со строгими геометрическими фигурами. Сквозь догмы запретов корана прорываются антропоморфные и зооморфные мотивы.

Написанные преимущественно на снежно-белом фоне открытой поверхности чаш и покрытые сверху прозрачным «лаком» сверкающей на солнце свинцовой глазури, многие сосуды можно рассматривать как произведения искусства, своеобразные миниатюры. Вот небольшая чаша со светлым, оттененным фишашковой подсветкой фоном, на котором изображена птица Семург — символ счастья. Стройный изгиб шеи, плавные очертания фигуры с чешуйчатым завершением оперенья перемежаются поясом многократного повторения наиболее излюбленного среди ташкентских керамистов благопожелания — «алйумн» — «благополучие». Силуэт птицы написан как бы одним взмахом кисти, а в отделке оперенья широко использован оригинальный прием замены цвета фона, который сам становится одним из компонентов рисунка. Это так называемая роспись резервом, когда цвета фона и рисунка как бы меняются местами.

Из крыльев птицы и перед ее клювом вырастают замысловатые завитки растительного побега ислими, символизирующего бесконечность жизни природы.

Близка по тональности и другая чаша с композицией абстрактных мотивов желтовато-коричневого цвета на

светлом фоне, чередующихся с геометризванной плетенкой, в которую вписан сюжет распахнутого крыла и выделенные красным цветом львиные морды с человеческим разрезом глаз.

Но изображения в мягких тонах, так отличающие художественную школу чачских керамистов, сочетаются с композициями, насыщенными узорами ярких, горячих, контрастных цветов или с переходными полутонами. К числу излюбленных мотивов относятся и сочные линии лент, мягко обвивающие «пропеллер», бегунец — символ бесконечности жизни, вихревые розетки, узлы счастья и древо жизни, разнообразные плетенки и бордюры из перлов. Сочетания красочных и как бы вырастающих букетом из одного стебля бадамча и обрамляющей рисунок гравировки заполнения свободного поля. Интересны и искусно написаны реалистические картинки, например, сценка с изображением шествия буйволов. Кажется, что она написана даже несколько небрежно, но очень точно передает мерный шаг вереницы натруженных животных с перевязанными хвостами и колокольцами на широких овалах рогов.

Написанные в ярких сочных тонах композиции чачских сосудов создают оптимистическое, радостное настроение и, вероятно, не случайно пользовались такой популярностью на восточных рынках и были включены восточным географом в перечень выдающихся объектов ремесленной продукции Чачского региона.

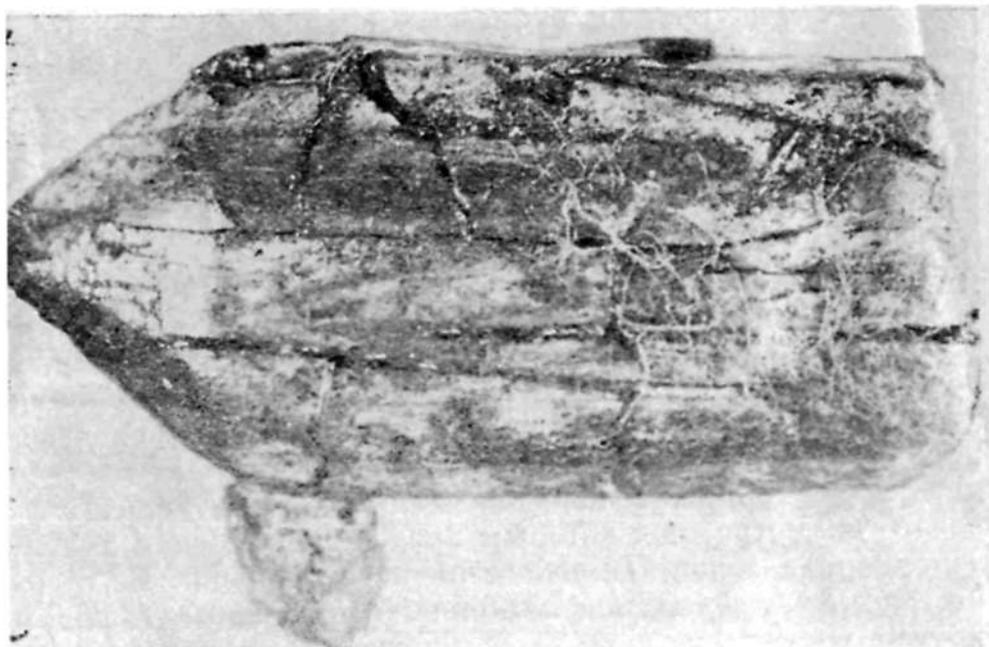
Путешествуя среди хозяйств хараджкетских ремесленников, мы не можем спокойно пройти мимо весьма примечательного дома, в комплекс которого входят парадные, жилые комнаты, кухня и хранилище. Несколько особняком стоит еще одна комната, уходящая в массив нерасчищенного завала. Именно в ней было раскопано поразительное обилие фрагментов керамической посуды — поливных чаш, котлов, кувшинов. Но еще больше здесь стеклянных сосудов. Флаконы с воронкообразными вен-

чиками, донца кружек и бутылок. Любопытно, что многие образцы из этого стеклянного «семейства» деформированы так, как будто пострадали от сильного пожара.

В соседнем помещении — колодец, заполненный землей серого цвета с обильными включениями белых комочков золы. У стены — вертикальная цилиндрическая печь из огнеупорной глины, а около нее квадратный ящик из сырцового кирпича, тоже заполненный серо-белым порошком. В соседней комнате глинобитный пол целиком покрыт белесыми следами каких-то щелочных растворов и солей. В центре в пол вмазана крупная толстостенная, почти метрового диаметра чаша из огнеупорной глины очень интересной формы: в центре ее дна — специальное сквозное отверстие десятисантиметрового диаметра, под которым проделана глубокая лунка, заполненная золой. Топочная печь — жаровня. Ее стенки, дно, да и земля под ней сильно прокалены. А рядом другая — круглая печь, возле которой находим каменные пестики красного и черного цветов, осколки разноцветного стекла и кусок расплавленной, неочищенной массы — шихты!

Теперь с этой находкой, все догадки подтверждены — мы в мастерской стеклодува! Вот откуда и свалка деформированных стеклянных обломков и разноцветное стекло.

При раскопках средневекового города Пенджикента таджикские археологи уже сталкивались со стеклоделательным производством. Там тоже были раскрыты ящички — ванночки, заполненные серо-белым порошком — важнейшим сырьем для стеклодувного производства. Печи и жаровни — составная часть ремесла. Здесь обжигался и размельчался пестиками в порошок отощитель, к которому добавлялись щелочные составы, приготовленные из различных растений и золы, а также красители.

Уток — важнейшая деталь ткацкого станка.

Многочисленные находки готовых изделий из стекла говорят о том, что чачские стеклодувы выпускали самую разнообразную продукцию: затейливой формы графины и кувшины, чаши, тарелки, кружки с фигурными рисунками, прекрасные флаконы, косметические сосудики и чернильницы. Разнообразной была и посуда для алхимиков — колбы и реторты, специальные сосуды для улавливания паров. И, конечно, необыкновенно богат был ассортимент украшений из стекла. Здесь и бусы, и браслеты, и кулоны с разноцветной инкрустацией. Они служили не только украшением для чачских модниц, но и отправлялись с караванами в степные районы к кочевым народам.

Стеклянные изделия не только выдували, но и отливали в рельефную форму, получая ажурные орнаментированные сосуды. Еще в горячем полурасплавленном

виде их затейливо украшали, накладывая специальными щипцами рельефный налепной орнамент, процарапывали всевозможными инструментами, получая, наконец, рисунок, напоминающий гравировку или чеканку по металлу, или составляли надписи благопожеланий и плели бесконечную вязь узоров растительных мотивов, рельефные изображения животных или вьющиеся фигурки змеек. Всеми способами литья и выдувания, горячей обработки стекла владели искусные мастера-стеклодувы Хараджкета.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛ УТОК?

Затем он для битв и пиров изобрел
Одежды. Еще полстолетья провел
За выделкой шелка, мехов, полотна
Из коконов, шкурок и светлого льна,
Прясть нити учил он и, встав за станок,
Вплетать хитроумно в основу уток.

Фирдоуси

Войти в средневековое хозяйство, захороненное временем под толстыми слоями земли, совсем не просто. Вот остались позади десятки раскопанных помещений, а впереди все новые и новые холмы, а то и просто ровная земляная поверхность. Но археолог знает — каждый сантиметр таит в себе открытие чего-то нового. Поднят лопатой дерновый слой, и вот уже первые признаки какой-то строительной конструкции. Стена! В работу вступают нож, щетка. Лезвие ножа осторожно отслаивает прикипевшую наносную землю или завал от штукатурки. Есть та самая «ниточка» — штукатурка, которая непременно приведет к новому открытию. Но вдруг стена обрывается, штукатурка резко поворачивает вправо. Вход в комнату? Так и есть — мы входим в следующее хозяйственное помещение ремесленника. Но, странно, оно, как казалось, не сохранило среди своих руин никаких признаков

производственной мастерской. Может быть, это просто жилой дом? Вновь и вновь, уже в экспедиционной лаборатории, изучаем комплекс находок. Обломки бытовой керамики, фрагменты стеклянных сосудиков, скромный набор украшений и вдруг..! Внимание привлёк небольшой деревянный предмет цилиндрической формы с пулевидным завершением на одном конце. В поделке сквозное отверстие, какой-то медный крючок. Так это же и есть тот самый уток, о котором сказано в поэме Фирдоуси! Уток — важнейшая деталь ткацкого станка.

Даже в начале нашего столетия ткацкое производство в странах Востока являлось самым распространённым. Средневековые историки и географы в восторженных тонах рассказывают об искусстве ткачей Мавераннахра, названия городов и селений которого вошли в мировую историю в виде названий популярных тканей. Древние источники донесли до нас славу золотошвейных бухарских тканей, за которые, как написал Наршахи, «можно было отдать всю годовую подать Бухары». Описываются удивительные ткани Рабинджана под Самаркандом. В число описываемых районов входил и Чач. Расположенный на границе со скотоводческой степью, он имел возможность в больших масштабах черпать сырьё — шерсть, кожи, а в горах Чаткала и Карамазара — минеральные красители. В обмен на сырьё кочевники получали часть готовой продукции. Источники упоминают и специальные «туркестанские ткани» чачских городов, в которых производились предназначенные на экспорт преимущественно в степь — ковры и платки, халаты и набедренные повязки, хлопчатобумажные ткани и молитвенные коврики. Но ткани шли не только на продажу. Ими оплачивали налоги и подати, делались праздничные подарки и памятные награды, производилась оплата за службу и военную помощь. Ткани с именами халифов и с религиозными текстами выдавались в качестве знаков отличия.

Ткачество, как мы видим, было одним из самых популярных ремесел. К сожалению, остатки тканей в земле сохраняются значительно реже, чем другие изделия древних мастеров. Почти неизвестны нам и орудия производства тканей — деревянные станки. Правда, в раскопках очень часто попадаются керамические и каменные пряслица, связываемые с обработкой нити, отвесы для оттягивания нитей основы, костяные гребни для их правки.

Вот почему находка в мастерской хараджетского ткача крохотного утка уникальна и представляет огромный интерес для археологов.

Миниатюрная деревянная поделка в виде цилиндрика с пулевидным, слегка заovalенным острием, тонко выточена на стенке. В ней — два сквозных отверстия для проведения нити и закрепления ее с помощью тонкой бронзовой вставки, завершающейся ушком. Эта система использования бронзовой вставки и плотного закрепления на сквозной пронизке позволяла ткачу быстро закреплять или извлекать из челнока нить поперечной основы, чтобы в случае необходимости свободно менять нити разных цветов при изготовлении ткани с красочным рисунком. Сами размеры челнока и нитей свидетельствуют о том, что его использовали для изготовления тонких цветных высококачественных тканей, а оригинальная система деталей ткацкого станка говорит о высоком уровне этого ремесла в Хараджете.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Прекрасно чистое вино,
им дух возвышен и богат,
Благоуханием оно
затмило розы аромат.

Абу Али ибн Сино

В пригороде Канки — рабаде, освоенном под хлопковые поля, шли планировочные работы. Неожиданно нож бульдозера вывернул из-под земли обломок крупной каменной плиты. О находке тут же сообщили археологам. На первый взгляд плита напоминала огромный жернов. Но что за таинственный знак выбит на одной его стороне? Он представлял собой крупный круг с желобками по краям, переходящими в круг меньшего диаметра, целиком выдолбленном в камне. Узкий желобок протянулся от него к прямоугольному углублению с расширением к устью. Сложная фигура, выдолбленная в камне, напоминала контур древнего астрономического прибора — астролябии — или половину складной каменной формы из мастерской металлста, предназначенной для отливки ручки с кольцом для гигантских ворот. Но астролябия — тончайший прибор с тщательно прокованными и выточенными деталями строгих размеров, отливать которые практически невозможно. Не удалось бы отлить на этой форме и наше воображаемое кольцо такого огромного размера — металл застыл бы, не заполнив и малой части желобков или даже малого круга.

К такому выводу мы пришли еще и потому, что рабочая поверхность кругов и желобков была отделана настолько грубо, что отлитое железное изделие оказалось бы испещренным раковистыми изломами. Смущало и место находки — в стороне от оживленных ремесленных кварталов и базаров, на дальней сельской окраине, где, судя по микрорельефу, среди зелени садов были разбросаны редкие домики усадьбы. Нет, конечно, не

могла здесь располагаться мастерская металлиста. Раскрыть тайну плиты помогли материалы, полученные археологами раньше на раскопках в далеком Причерноморье. Точно такие же каменные плиты оказались обязательной принадлежностью широко распространенного там производства, связанного с изготовлением вина. Плита эта — тарапан являлась основанием специального винодавильного пресса, связанного с многократной обработкой винограда.

Первоначально вино изготовлялось лишь одноразовым выдавливанием сока. Но его оказывалось слишком мало, поэтому в крупных мастерских конструировали специальные рычажные прессы для полной обработки винограда, позволяющие многократно обрабатывать массу для приготовления продуктов различного назначения. Основанием такого пресса и служил тарапан.

На его желоба большого круга вверх дном устанавливалась корзина, наполненная виноградом или мешки с виноградной мездрой. Работал пресс по-разному. В некоторых из них масса выжималась с помощью гирь, вес которых постепенно нарастал. В других случаях применялись деревянные рычаги, вращавшиеся силой одного или нескольких рабочих. Из большого круга сок стекал в малый, который служил фильтром, задерживающим крупные частицы мездры. Чистый же сок по неглубокому желобку тарапана сливался в хумы или другие емкости для хранения, или дальнейшей переработки.

Вполне закономерным представляются нам вопросы — как можно спустя столетия восстановить процесс производства? Обычно это делается по остаткам орудий труда, изучению отходов производства и готовой продукции. Изучаются и сравниваются этнографические процессы. Но в данном случае все оказалось проще и интересней.

Помимо многочисленных винодавилен, в Причерноморье были найдены сосуды для вина, на стенках кото-

рых весьма реалистично древний художник изобразил весь процесс приготовления вина. Представлен был и пресс-тарапан, на котором под ивовой корзиной показан мешок с мездрой. Несколько человек выжимают массу с помощью деревянного рычага, причем один рабочий стоит даже наверху, перебирая перекладки рычага ногами.

Средняя Азия известна как один из древних районов виноградарства. Прекрасные плодоносные лозы ее садов поражали даже греческих летописцев. Крупные античные винные склады и давилни были открыты в царских хранилищах парфян в южной Туркмении, в Бактрии и Ферганской долине. Средневековые винодавилни технически мало чем отличались от античных. Об этом рассказали находки из мастерских виноделов X столетия на Краснореченском городище в Киргизии и городище Биттык около Фараба, а также в позднефеодальном городище Анау в Туркмении. В кварталах многих других городов раскрыты крупные винохранилища — хумхона.

О садоводстве и виноградарстве древних чачцев нам тоже известно немало. Об этом сообщают и письменные источники. Виноградные косточки были найдены при раскопках в древних городах Тункете и Ташкенте, Кабарна и Нукете. Хараджет, расположенный в удобной долине низовьев Ахангарана, имел громадную сельскую округу с садами и виноградниками и, как теперь показывают находки, специальное виноделательное производство. Сок винограда в древности шел не только на изготовление вина. Его сгущенная патока — бекмес, заменяя сахар, широко использовался для приготовления знаменитых восточных сладостей. Еще недавно в крупных городах Средней Азии производство бекмеса являлось специальностью, в которой было занято много горожан. Изготавливались и самые разнообразные сорта вин. Некоторыми из них ташкентские виноделы славятся и поныне.

Вот так найденная каменная плита — тарапан, скопления хумов — сосудов емкостью до нескольких сот литров каждый, крупные и маленькие кувшины с длинными сливами, керамические фляги с уплощенными боками — мустахара, приспособленные для транспортировки вина въючным способом, поведали нам о средневековых вноделах древнего Хараджкета.

ЗАГАДКА СЕРЕБРЯНОГО КЛАДА

Заканчивается наше путешествие по древнему городу Чача. Но прежде чем выйти за городские ворота, попробуем разгадать еще одну неожиданную загадку. Путешествие по погребенным городам никогда не бывает без неожиданностей. Так случилось и на этот раз.

Клад серебряных монет случайно нашли школьники колхоза «Ленинизм» на хлопковом поле. Перед нами — 20 кружочков разного веса и размеров. Вместе с монетами в земле лежали обломки керамической посуды и плиток. Эти находки были совершенно необычными для Канки — Хараджкета.

Синевато-голубоватая расцветка сосудов, а также плоские керамические плитки — все это относилось к периоду, когда городище, по всем нашим данным, давно лежало в развалинах. Разгадка могла быть только в монетах. После лабораторной обработки кружочки потемнели и оказались ...серебряными. Причем из высокопробного серебра. По размерам четко определились два типа. К первому мы отнесли монеты крупных размеров — более трех сантиметров в диаметре и весом около 8 граммов каждая. Таких монет в кладе находилось больше. Второй тип монет представлен всего тремя серебряными, но мелкими разменными монетками весом менее полутора граммов.

Каждая монета клада, особенно крупная, была почти сплошь украшена самыми разнообразными чеканными орнаментами: здесь и всевозможные тамги, родовые зна-

ки, затейливые трезубцы, сочетание округлых и сложных геометрических фигур, несторианские кресты, стилизованный меч, сплетение колец и трилистники, сложные узлы счастья, затейливые обрамления кружка с рисунком. И среди этого калейдоскопа орнаментов — надписи с изречениями. Но самое главное то, что в первую очередь хотелось увидеть — даты и названия городов, где чеканились монеты. И что же? Прочтение их показало, что монеты выпущены ...монгольскими правителями Мавераннахра и в самом Ташкентском оазисе — Шаше, и в городах сопредельных регионов — Самарканде, Бухаре, Термезе. Отчеканены они в период между 1323 и 1340 годами. Значит, клад зарыт около середины XIV века! Но к этому времени Канка — Хараджкет уже почти полтора столетия лежала в руинах. Каким же образом попали сюда, в XII век, эти монеты и керамические сосуды из века XIV?

Впрочем, не будем спешить и удивляться. Вспомним события, связанные с появлением монголов в долине Ахангарана. Ураган монгольского нашествия начала XIII века, сопровождаемый пожарами и глобальными разрушениями, привел к запустению многих ранее цветущих городов. Но разорение не окончилось и с окончанием самой войны. После создания здесь государства сына Чингисхана — Чагатаева Улуса — цветущая долина Ахангарана была выбрана под летовки одного из четырех монгольских родов — джелаиров. Верховные ханы бывали здесь редко, поэтому раздольно жилось мелким царевичам и их кочевой знати. Снабженные охранными грамотами хана — пайцзой и ярлыками, они бесконтрольно пользовались лошадьми и провиантом местных жителей, под видом податей отбирали у них зерно и скот, имущество и ценности.

Историк Джувейни пишет: доходило до того, что урожай крестьян не хватало даже на то, чтобы оплатить хотя бы половину взыскиваемых податей. Спасаясь от

этих грабежей и поборов, ремесленники и крестьяне бросали насиженные места. Города и селения пустели. Характерно в этом отношении свидетельство еще одного восточного путешественника: «Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить людей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием».

Нельзя сказать, чтобы правители не видели всей пагубности этой «политики». Историки приписывают верховному хану Менгу выпуск еще в середине XIII столетия целого ряда запретов царевичам. Разное предписывали эти запреты. Вернуть все ярлыки и пайцзы, выданные со времен Чингисхана, не писать податные документы и не собирать самим подати, ограничить знати выдачу транспорта и провианта. Чтобы помочь развитию торговли, наместник ханов в областях Средней Азии — Мавераннахре купец Масудбек Ялавач проводил денежную реформу, по которой частные лица могли участвовать в выпуске монет, принося на государственный монетный двор серебро и золото и получая взамен приготовленную из них монету.

Но политика централизации и порядка оказалась не по праву кочевой чагатайской вольнице, которая поднимала восстание против оседлой жизни и иногда даже свергала верховную власть. Поэтому так высоко оценивается роль реформ, которые удалось провести хану Кепеку. Он первым из верховных ханов перенес свою ставку в Мавераннахр и в 1321 году провел административную и денежную реформы, направленные на ограничение прав кочевых царьков. Вместо поборов был установлен твердый налог. Выпустил Кепек и твердую государственную серебряную монету двух типов — крупный динар весом в 8 граммов и дихемы в шесть раз мельче. Вес монет был предпринят с учетом денежных

систем соседних государств — Золотой Орды и хулагуидского Ирана, что способствовало росту международных торговых операций. Но дело не ограничилось реформой. И сам хан Кепек, и некоторые из последующих ханов, в первую очередь его брат Тармаширин, активно выпускают высокопробную серебряную монету в Бухаре, Самарканде, Шаше.

Против Кепека кочевые царевичи подняли восстание, а Тармаширин был убит ими. Но процесс централизации и развития экономики и оседлой жизни уже становится господствующим.

Вот с именами этих ханов и связывается основная часть монет нашего серебряного клада причем монеты обоих достоинств и мелкие — дирхемы, и крупные — динары.

О чем еще может рассказать этот клад? Во-первых, о том, что реформа создала более благоприятные условия для внутренней и внешней торговли, так как в кладе, кроме шашских, представлены и монеты западных районов — Самарканда, Бухары и южного Термеза. Во-вторых, о том, что благоприятная политическая обстановка в начале XIV века способствовала восстановлению оседлой жизни и даже была предпринята попытка возрождения ранее заброшенных городов и селений. Правда, не везде этот процесс был удачным. Вокруг Канки, вдоль протоков и по Сырдарье, появляются мелкие пункты и крупные крепости. Но на самой Канке попытка вернуть к жизни древний город закончилась неудачей. Новый оседлый пункт просуществовал недолго, и жизнь на городище окончательно замерла теперь уже на многие столетия.

Однако сейчас, спустя почти восемь столетий, он оживает снова. К жизни его возвращают археологи.

СОДЕРЖАНИЕ

У истоков городской культуры Ташкентского оазиса	3
Руины древнего города	7
Раскопки начались	13
Антиохия Заяксартская: миф или реальность?	16
Тайна квадратной комнаты	18
Сувениры чачских короoplastов	22
Караван-сарай древнего Хараджкета	27
В хозяйстве правителя	32
Золото древнего Чача	42
Гончарных дел мастера	50
О чем поведал уток?	55
Неожиданная находка	58
Загадка серебряного клада	61

Общество охраны памятников истории и культуры Узбекистана

Юрий Федорович Буряков, Валерий Иванович Набоков

У СТЕН ДРЕВНЕГО ХАРАДЖКЕТА

Художник *Д. Тахтаров*
Худож. редактор *А. Дехканходжаев*
Техн. редактор *С. Сабирова*
Корректор *Н. Исраимова*

ИБ 4935

Научно-популярное издание.

Сдано в набор 17.02.89. Подписано в печать 02.08.89. Р. 08881.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура литературная. Усл. печ. л.
2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Уч.-изд. л. 2,99. Тираж 3000. Заказ № 132.
Цена 15 к. Заказное

Издательство «Узбекистан». 700129, Ташкент, Навои, 30. Изд. № 230—88.

Типография № 3 Ташкентского полиграфического производственного
объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли. 700194, Ташкент, Юнусабад,
ул. Мурадова, 1.

15 к.

„УЗБЕНИСТАН“